253—
977

Ч53
977

Михаилу Флегонтовичу
Владимірскому-Буданову
от автора.

Ч53 Л
977

ПОЛЬСКІЙ и ЕВРЕЙСКІЙ

ВОПРОСЫ.

(Открытыя письма Б. Н. Чичерину).

Заслуженнаго профессора Университета Св. Владиміра

Н. К. Ренненкампфа.

КІЕВЪ.
1898.

Ч53 977
47904
Б. У. св. Вл.
Библ. Влад.-Буданова
№ 452

ПОЛЬСКІЙ и ЕВРЕЙСКІЙ

ВОПРОСЫ.

(Открытыя письма Б. Н. Чичерину).

Заслуженнаго профессора Университета Св. Владиміра

Н. К. Ренненкампфа.

Типо-литогр. Высоч. утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Кіевское отдѣленіе. Караваевская ул., д. № 5.

1898.

БИБЛІОТЕКА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА

А 4815
А 160774
Зпр

Дозволено Цензурою. Г. Кіевъ, 20-го Іюня 1898 г.

Оттискъ изъ №№ 158, 159, 160, 162, 163, 164 и 165
„Кіевлянина“ за 1898 г.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 17000 1968
М

Польскій и еврейскій вопросы.

(Открытыя письма Б. Н. Чичерину).

Письмо первое.

Польскій вопросъ.

М. Г.

Борисъ Николаевичъ!

Въ началѣ настоящаго года вы издали III томъ вашего курса Государственной науки (Политика), плодъ многолѣтнихъ вашихъ трудовъ, который по самостоятельности обработки, силѣ критики и обширной эрудиціи заслуживаетъ вниманія не только въ нашей, но и въ западно-европейской наукѣ.

Я не имѣю въ виду входить въ подробную оцѣнку всей книги, но въ ней вы касаетесь животрепещущихъ и острыхъ вопросовъ—положенія въ Россіи польскаго и еврейскаго населенія, на которыхъ считаю

необходимымъ остановиться. Эти важные вопросы всегда вызывали и будутъ впредь привлекать къ себѣ горячее вниманіе политиковъ и соціологовъ и породили богатую литературу, отличающуюся, прочемъ, характеромъ полемическимъ, увлеченіемъ въ ту или другую сторону. Отвергая партійное пристрастіе и мимолетныя настроенія минуты, вы становитесь на научную почву и стремитесь «провидѣть въ даль» и разрѣшить данные вопросы съ точки зрѣнія истины и высшихъ началъ правды и блага.

Такая возвышенная и безпристрастная постановка дѣла заслуживаетъ особаго вниманія со стороны каждаго мыслящаго человѣка, сколько либо знакомаго съ дѣйствительнымъ положеніемъ отношеній, и потому я рѣшаюсь, съ своей стороны, высказать нѣсколько замѣчаній и вопросовъ по поводу вашихъ положеній.

Позволю себѣ прежде всего изложить ваши положенія, придерживаясь возможно ближе текста.

Новѣйшее время, говорите вы, представляетъ по отношенію къ вопросу о народности назидательный примѣръ. Ни въ чемъ, быть можетъ, прогрессивное развитіе чело-

вѣчества не высказалось такъ явно, какъ въ выступленіи на историческое поприще народнаго сознанія въ самыхъ различныхъ племенахъ. Греція, Италія, Германія, славянскія народности возродились въ теченіе нынѣшняго столѣтія (стр. 80—83). Однако, далѣе, вы ограничиваете принципъ народности, указывая, что не всякое племя способно образовать изъ себя государство. Для этого нужно имѣть достаточную внутреннюю и внѣшнюю силу; необходимо, чтобы племя обладало крѣпостью народнаго духа, способностью организоваться. Одного національнаго движенія, духовныхъ стремленій мало. Надо, чтобы народъ, ищущій политической самостоятельности, умѣлъ защищать себя собственною силою, выработать у себя прочную власть и подчиненіе ей и обладалъ бы политическою мудростью, которая устанавливаетъ порядокъ и открываетъ поприще для развитія своей самобытной культуры (стр. 83—87).

Дѣйствительный миръ Европы будетъ обезпеченъ лишь тогда, когда существующимъ народнымъ стихіямъ дозволено будетъ группироваться по своимъ естественнымъ стремленіямъ и народностямъ. Тогда

возродятся и подавленныя нынѣ мелкія государства, которыя будутъ смягчать столкновенія крупныхъ. Тогда, можно думать, возродится и Польша, исчезновеніе которой было несчастіемъ не только для нея самой, но и для европейскаго равновѣсія. Въ настоящее время, болѣе нежели когда либо, нуженъ между Россіей и Германіей буферъ, такъ-же какъ онъ необходимъ между Германіей и Франціей (стр. 69).

«Владычество надъ чужими народами, продолжаете вы, есть не только право, но и высокая нравственная обязанность. Привязать къ себѣ покоренный народъ можно лишь призваніемъ его къ осуществленію высшихъ началъ правды и добра. Народы сливаются совокупнымъ возведеніемъ ихъ на высшую степень человѣческаго развитія. Въ особенности важно уваженіе къ чужой религіи и языку. Религіозныя притѣсненія, нарушающія святая святыхъ народа, возмущаютъ и оскорбляютъ человѣческія чувства; притѣсненія языка, въ которомъ выражается душа народа, съ которымъ связаны лучшія чувства и впечатлѣнія роднаго края, также вызываютъ и укрѣпляютъ лишь реакцію въ его пользу. Стром-

леніе всюду ввести употребленіе одного оффиціальнаго языка есть плодъ чисто бюрократическаго формализма, который стремится все подвести къ одному уровню. Правда, употребленіе въ оффиціальныхъ актахъ и учрежденіяхъ одного языка устанавливаетъ однообразіе, облегчаетъ оффиціальныя сношенія, но условіе это чисто формальное, которое вызываетъ затрудненія, порождаетъ непріятность и обиду въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ говорятъ инымъ языкомъ... Еще глужбе стѣсняетъ стремленіе сдѣлать оффиціальный языкъ языкомъ преподаванія; оно вредитъ просвѣщенію края и оскорбляетъ подвластную народность въ ея законныхъ стремленіяхъ.

Равнымъ образомъ надо относиться съ большею осторожностью и къ историческимъ учрежденіямъ подчиненнаго населенія, которое свыклось и привязано къ нимъ. Правда, съ теченіемъ времени въ нихъ могутъ оказаться отсталыя отъ современныхъ условій учрежденія и правила, но для подчиненнаго народа они служатъ памятникомъ исторической культуры, охраною мѣстныхъ правъ и порядковъ, а потому ихъ можно преобразовывать не ломкою, а по-

степеннымъ измѣненіемъ, принаравленнымъ къ нравамъ и потребностямъ страны... (стр. 343—349).

Но однѣхъ правительственныхъ мѣръ недостаточно. Обществу принадлежитъ не менѣе важная роль какъ въ доброжелательномъ отношеніи къ подвластной народности, такъ и въ энергіи промышленной дѣятельности, которая соединяетъ людей узами общихъ интересовъ. Общество должно уважать чужую народность, а не отталкивать ее враждебными дѣйствіями или чувствами. Для государства не можетъ быть ничего вреднѣе, какъ, наприм., распространенная въ значительной части русскаго общества непріязнь къ нѣмцамъ и полякамъ; такое же, если не худшее, дѣйствіе имѣютъ злобныя нападки печати. Подобное настроеніе разжигаетъ страсти, вселяетъ вражду и возбуждаетъ озлобленіе (стр. 351)

«Трудно удерживать владычество тамъ, гдѣ образованіе побѣдителей и побѣжденныхъ болѣе или менѣе однородное, особенно если побѣжденное населеніе пользовалось самобытностью, выработало собственную культуру, привыкло къ самостоятельной жизни или тяготѣетъ къ другому государ-

ству. Именно въ такомъ положеніи находится Польша относительно Россіи. Овладѣть Польшею было не трудно при полномъ разложеніи ея государственной жизни. Но преданія прежней независимости, самостоятельное развитіе своихъ духовныхъ силъ составляютъ неодолимое препятствіе для всякой дальнѣйшей связи... Сліяніе можетъ значиться на бумагѣ, но на дѣлѣ Польша болѣе чужда Россіи, нежели даже въ первое время присоединенія, когда тамъ была, покрайней мѣрѣ, русская партія. Понынѣ страна эта представляетъ не болѣе какъ боевой пунктъ, удержаніе котораго едва-ли не превышаетъ приносимыхъ выгодъ... (стр. 71)»

«Конечно, мы можемъ оправдывать себя тѣмъ, что для насъ польская народность является врагомъ, не разъ поднимавшимъ противъ насъ оружіе. Но нельзя не признать, что такое враждебное отношеніе было вызвано предыдущею политикою. Раздѣлъ Польши совершился среди полнаго мира, когда обезсиленная страна несособна была причинить сосѣдямъ какое-бы то ни было зло. Какъ-бы ни противорѣчили здравой политикѣ вооруженныя возстанія, они были не

болѣе, какъ легкомысленныя увлеченія возбужденнаго патріотизма; полное подавленіе польской народности ими не оправдывается... Народъ, жившій историческою жизнью, богато одаренный природою, одушевленный несокрушимою любовью къ отечеству, сохранившій свою духовную самостоятельность, не исчезнетъ съ лица земли»... (стр. 101, 89).

...«Уничтоженіе самостоятельнаго бытія Польши и включеніе ея въ составъ Русской имперіи нельзя не признать политическою ошибкою. Воображать, что можно когда-нибудь слить польскую народность съ русскою, есть несбыточная мечта. Подобною политикою можно пріобрѣсти только непримиримыхъ враговъ. Если народныя чувства и стремленія невозможно уничтожить, то надо дать имъ правильный исходъ, а это достигается только отдѣльнымъ государственнымъ существованіемъ» (стр. 275).

Обсуждая далѣе вопросъ о томъ, каково должно быть устройство такого государства, вы не даете положительнаго отвѣта, справедливо указывая, что все будетъ зависѣть отъ условій, въ которыхъ оно будетъ находиться, и отъ состоянія общества. Одну

лишь федеративную форму вы отрицаете вполнѣ и утверждаете, что ни славянскіе ручьи не сольются въ обширномъ русскомъ морѣ, ни оно не изсякнетъ. Славянскія племена, разсѣянныя по огромному пространству сѣвера и юга Европы, перемѣшанныя съ другими, столь-же крѣпкими народностями, имѣютъ каждое свой языкъ, свой характеръ и свою исторію; къ тому-же они раздѣлены и религіозными вѣрованіями. Стремясь къ самостоятельности, они вовсе не желаютъ быть поглощенными даже сроднымъ племенемъ, и такимъ образомъ лишиться своей личности. Сознаніе духовнаго сродства, не влечетъ за собою политическаго единства. Въ политическомъ отношеніи славянскій вопросъ вовсе не означаетъ созданія единаго, безмѣрно великаго государства, а лишь образованіе мелкихъ самоуправляющихся единицъ (стр. 99). Федерацію славянъ подъ гегемоніей Россіи вы причисляете къ области мечтаній. Такая форма политически несостоятельна; исторія показываетъ, что федераціи служили только поприщемъ внутреннихъ раздоровъ, (кромѣ исключительныхъ случаевъ, обусловленныхъ особенностями обществен-

наго и политическаго строя,—какъ въ С. Америкѣ, или-же тѣснымъ пространствомъ и опасностями отъ сосѣдей,—какъ въ Швейцаріи). Только когда одно государство преобладаетъ надъ другими и одно ведетъ дѣла союза, послѣдній можетъ сохранить большую или меньшую прочность; но это не нормальное союзное устройство. Въ подобномъ положеніи среди подчиненныхъ членовъ всегда остается стремленіе къ самостоятельности, которое и проявляется при малѣйшей неудачѣ (стр. 291).

Но однако возможность возрожденія Польши вы ставите въ непремѣнную зависимость отъ того, чтобы уроки исторіи послужили полякамъ въ пользу. Поляки, говорите вы, должны убѣдиться, что для самостоятельной жизни недостаточно однихъ пылкихъ стремленій; нужны еще здравый политическій смыслъ, пониманіе своего положенія и умѣніе пользоваться обстоятельствами. Безъ этого для народа нѣтъ будущности (стр. 89). Поприще для пріобрѣтенія политической мудрости вы находите въ Австріи, которая нынѣ даетъ полякамъ то, чего они не находятъ нигдѣ: свободу національнаго развитія, при относительной самостоятель-

ности положенія. Здѣсь, по вашему мнѣнію, поляки могутъ на практикѣ научиться политическому искусству, недостатокъ котораго былъ причиною ихъ паденія и пріобрѣтеніе котораго составляетъ залогъ всей ихъ будущности. На парламентскомъ поприщѣ они могутъ бороться за свои права и достигать своихъ цѣлей, вступая въ сдѣлки съ другими и пользуясь обстоятельствами... (стр. 101).

Съ высшей точки зрѣнія, руководимой принципами справедливости и законности, едва ли можно возразить что-либо противъ предлагаемыхъ вами, Борисъ Николаевичъ, общихъ началъ о положеніи народности въ государственномъ строѣ. Но въ данныхъ, сообщаемыхъ вами, вопросахъ относительно Польши необходимо сдѣлать нѣкоторыя историческія поясненія и предложить нѣсколько вопросовъ относительно современнаго положенія дѣла.

Въ вашемъ изображеніи раздѣлъ Польши совершился среди мира, въ родѣ нечаяннаго нападенія, когда обезсиленная страна неспособна была причинить сосѣдямъ какое-либо зло. Но на дѣлѣ было далеко не такъ. Польша въ то время представля-

ла не миръ, а непрерывное волненіе, своего рода политическую анархію, которая держала всѣхъ сосѣдей въ вѣчной тревогѣ, такъ сказать, подъ ружьемъ. Каждое избраніе новаго короля заставляло ближайшія государства напрягать всѣ свои силы, чтобы не допустить противника усилиться на счетъ Польши. Это была боевая позиція, на которой каждый сосѣдъ вынужденъ былъ устроить свою батарею, опасаясь нападенія ближайшихъ соперниковъ. И странное дѣло: въ устройствѣ этихъ иноземныхъ батарей принимали участіе, давали пособіе сами поляки, ослѣпленные своеволіемъ и корыстью, не замѣчая, что батареи эти должны будутъ въ концѣ концовъ разрушить саму Польшу. Въ 17 и 18 вѣкѣ Варшава превратилась въ своего рода новѣйшій Константинополь, съ тою разницею, что въ то время были иные политическіе взгляды, пріемы, отношенія національныя. Въ правительствахъ, обществѣ и въ дипломатіи господствовало ученіе Макіавелли, по которому завоеванія соразмѣрялись только силою и удачею. Такимъ образомъ раздѣлы Польши, не оправдываемые съ нынѣшней точки зрѣнія, имѣли въ свое

время характеръ самозащиты. Независимо отъ того, если Австрія и особенно Пруссія руководились при совершеніи раздѣловъ самозащитою и желаніемъ увеличить свои владѣнія на счетъ слабаго, разорившагося сосѣда, то Россія имѣла свои особые историческіе счеты и задачи. Не забудемъ, что въ періодъ своей относительной силы Польша вела все время наступательную политику относительно Московскаго государства; пользуясь каждымъ случаемъ, она стремилась овладѣть и овладѣла чисто русскими областями: Кіевскою, Подольскою, Смоленскою, Бѣлорусскимъ краемъ и др. Россія не могла этого забыть и не могла оставаться глухою и равнодушною къ судьбѣ родного, единовѣрнаго населенія, изнемогавшаго подъ гнетомъ польскаго дворянства и католическаго духовенства. Вспомните постоянныя и горячія жалобы и возванія диссидентовъ (хотя бы и рѣчь арх. Коніскаго) къ русскому правительству о защитѣ и желаніи ихъ возсоединиться съ своей родной страною. Въ особенности отличалось своею агрессивною политикою польское духовенство. Ни на одну минуту у него не остывало стремленіе пріобрѣтать

для римскаго престола подвластныхъ—вѣрующихъ; даже непріязненное, недовѣрчивое отношеніе между населеніемъ порождено было фанатизмомъ и готовностію на всѣ средства духовныхъ воиновъ католицизма. Уже въ новое время, когда растерзанная Польша потеряла свое самостоятельное бытіе, когда въ обществѣ русскомъ и польскомъ обнаружилось вліяніе энциклопедистовъ и гуманитарныхъ идей начала 19 в., католическая пропаганда (г-жа Делафонъ первая директрисса Смольнаго, принцесса Торантъ) не оставляла своего оружія и произвела значительныя опустошенія въ рядахъ русской аристократіи (кн. Гагарины, гр. Бутурлины, кн. Волконская, кн. Голицынъ, б. Николаи и мн. др.), а папскій нунцій гр. де-Литта и его братъ едва не включили Мальтійскій орденъ въ область русскихъ владѣній, доставили іезуитамъ доступъ въ Императорскую Семью и учредили іезуитскую коллегію въ Полоцкѣ, съ надѣленіемъ ея обширными помѣстіями и русскими крѣпостными крестьянами.

По первому раздѣлу 1772 г. Россія получила: воеводства Могилевское, Мстиславское, часть Полоцкаго и часть Минскаго;

по второму раздѣлу 1793 г. часть Сѣверо-Западнаго края по Динабургъ и восточную часть виленскаго воеводства; по третьему раздѣлу 1795 г.—западную часть Бѣлоруссіи, восточную часть Литвы и Малороссіи по Запад. Бугъ. Изъ этихъ присоединенныхъ областей были впослѣдствіи учреждены губерніи: Кіевская, Волынская, Подольская, Могилевская, Минская, Витебская, Гродненская, Виленская, Ковенская.

Въ періодъ 1870—1890 г. народонаселеніе въ этихъ губерніяхъ распредѣлялось по вѣроисповѣданіямъ приблизительно слѣдующимъ образомъ:

	Правосл.	Катол.	Евреи.
Въ Кіевской . . .	2,810,200	93,000	424,000
„ Волынской . .	1,722,000	193,000	313,000
„ Подольской . .	2,412,000	200,000	270,000
„ Минской . . .	1,400,000	200,000	420,000
лютеранъ	7,000;	раскольник.	13,000
„ Могилевской .	1,400,000	200,000	283,000
раскольник.	24,000		
„ Гродненской. .	830,000	385,000	280,000
лютеранъ	13,000		
„ Витебской . .	730,000	320,000	155,000
раскольник.	72,000;	лютеранъ	28,000
„ Виленской . .	356,000	724,000	205,000
раскольник.	24,000		
„ Ковенской . .	43,000	1,200,000	382,000
раскольник.	27,000;	лютеранъ	57,000

Предлагаемыя числа имѣютъ значеніе лишь приблизительное; произведенная въ 1897 г. всенародная перепись представитъ данныя болѣе вѣрныя и полныя; но основное числовое отношеніе населенія по вѣроисповѣданіямъ едва-ли подвергнется значительному уклоненію. Такое численное отношеніе населенія русскаго и польскаго было, конечно, еще сильнѣе въ пользу Россіи въ эпоху раздѣловъ, такъ какъ общепризнанный фактъ, что въ царствованіе императоровъ Павла I и Александра I польскій прозелитизмъ оказалъ значительные успѣхи. Достаточно вспомнить просвѣтительную дѣятельность юго-западнаго визитатора гр. Чацкаго и виленскаго попечителя князя Чарторійскаго, распоряжавшихся почти неограниченно народнымъ просвѣщеніемъ въ краѣ. Самъ первый министръ народнаго просвѣщеція гр. Завадовскій, воспитанникъ Кіевской духовной академіи и позднѣе іезуитовъ, не сознавая русскаго значенія Юго-Западнаго края, радостно привѣтствовалъ гр. Чацкаго (его письма на латинскомъ языкѣ къ Чацкому въ «Рус. Архивѣ» 1897) съ его успѣхами въ открытіи и распространеніи польско-католическихъ

учебныхъ заведеній въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ преподаваніе русскаго языка и русской словесности допускалось только какъ побочный предметъ, наравнѣ съ языками французскимъ и нѣмецкимъ.

При такомъ численномъ отношеніи русскаго населенія въ указанныхъ областяхъ (за исключеніемъ губерній Ковенской и отчасти Виленской), при искреннемъ, горячемъ стремленіи русскаго населенія освободиться отъ гнета польской шляхты и католичества и возвратиться въ составъ родной страны—Россіи, развѣ можно назвать раздѣлы, насколько они касаются Россіи, вѣроломнымъ захватомъ, внезапнымъ, среди мира, нападеніемъ на государство, которое никому не могло вредить. Для Россіи это была историческая задача, освѣщающая всю ея исторію въ 16, 17 и 18 вв., и великая заслуга Екатерины II состоитъ въ томъ, что она, рожденная иностранкою, поняла и оцѣнила эту задачу и русское значеніе присоединенныхъ областей. Развѣ не каждый мудрый правитель, понимающій потребности и призваніе своего государства, сдѣлалъ-бы то-же самое, пользуясь благопріятными обстоятельствами? Исторія всегда оправдала-бы его.

Что касается уничтоженія самостоятельнаго существованія Польши, которое вы называете политическою ошибкою, и убѣжденія вашего, что невозможно и несбыточно (стр. 175) слить когда-либо народность польскую съ русской, то я присоединяюсь къ вамъ, хотя не рѣшаюсь назвать сознательною ошибкою уничтоженіе Польши, потому что историческое развитіе совершается по своимъ могущественнымъ причинамъ и въ настоящее время еще недостаточно разъяснено, было-ли это твердо обдуманное намѣреніе или печальный актъ неотвратимыхъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ актѣ, или, если угодно, ошибкѣ, повинны не только активные участники раздѣловъ, но и сами поляки, которые съ удивительнымъ непониманіемъ собственнаго положенія, эгоизмомъ и мелочностью толкали свое отечество къ печальному концу.

Тѣмъ не менѣе, за ошибки и увлеченія народы не подлежатъ смерти, и польскій народъ, по своей исторіи, культурѣ, даровитости, заслуживаетъ самостоятельнаго развитія въ дѣйствительныхъ границахъ своей народности. Его языкъ, нравы, литература, искусство, образованіе, матері-

альная производительность отличаются самородною силою и имѣютъ право на самобытное существованіе. Сліяніе польской народности съ русской есть не только мечта, невозможность, но было бы потерею въ общемъ ходѣ европейской культуры.

Паденіе Польши вы, Борисъ Николаевичъ, приписываете, главнымъ образомъ, политической неспособности ея главнаго сословія, полагаете непремѣннымъ условіемъ ея возрожденія выработку въ себѣ политическаго смысла, обузданія своеволія и возлагаете въ этомъ случаѣ большія надежды на Австрію и на уроки, которые она даетъ полякамъ своею парламентарною практикою. Дай Богъ, чтобы ваши ожиданія исполнились и чтобы поляки, отрезвившись отъ историческихъ грезъ, научились не только управлять, но и подчиняться. Но до сихъ поръ я вижу мало утѣшительныхъ признаковъ новаго политическаго воспитанія. Пользуясь самостоятельнымъ преобладающимъ положеніемъ въ Галиціи, признавали-ли поляки права на свободное развитіе населенія русскаго, его вѣры, языка, выборовъ? Не устраиваютъ ли они тягостныхъ преслѣдованій и уголовныхъ процессовъ за

каждое самобытное и вполнѣ легальное стремленіе такъ называемаго руссина? Сколько разъ галичане-русскіе, не находя исхода въ Львовскомъ сеймѣ, подавали жалобы своему императору на невыносимыя притѣсненія поляковъ, нарушающія конституціонныя права каждаго гражданина? На одномъ лишь поприщѣ предоставлена русскимъ галичанамъ полная свобода: забывать свое родное нарѣчіе и тратить силы на созданіе какого то искусственнаго, нелѣпаго и безплоднаго воляпюка, котораго народъ не понимаетъ и который, конечно, будетъ служить препоною для общенія не только съ польскою и русскою, но и съ европейскою культурою. А экономическое положеніе Галиціи? Слыхали-ли вы въ Львовскомъ сеймѣ о мѣрахъ для помощи и охраны, отъ угнетающей эксплоатаціи, низшаго обнищалаго руссина; не идетъ-ли тамъ сплошное отчужденіе крестьянскихъ земель и бѣгство жителей изъ края; случалось ли вамъ видѣть массы голодныхъ, оборванныхъ рабочихъ, которые тайкомъ переходятъ границу и ищутъ хлѣба и заработковъ въ юго-западныхъ губерніяхъ? Да и въ высшемъ преобладающемъ польскомъ населеніи, рядомъ

съ возбужденіемъ народнаго духа, національною помпою въ Краковѣ и Львовѣ, одновременно съ торжественными съѣздами, поминками, постановкою памятниковъ народнымъ героямъ и поэтамъ, развѣ не совершается систематическая экспропріація польскихъ земель и помѣстій въ пользу инородцевъ? И Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится! Да и вообще мало можно вѣрить въ воспитательное значеніе австрійскаго парламентаризма. Въ немъ выражается не политическая мудрость, руководимая высшими государственными цѣлями и интересами, а старинное divide et impera, которое то сѣетъ вражду между своими народностями, то вступаетъ съ ними въ ложные союзы и этимъ вѣчнымъ колебаніемъ и сдѣлками пока спасаетъ шаткую ладью отъ крушенія. Но и эта система не всегда помогаетъ; памятны всѣмъ недавнія сцены обструкціонизма нѣмецкихъ депутатовъ и взаимныя потасовки въ Вѣнскомъ рейхсратѣ. Позволяемъ себѣ думать, что если бы наступилъ часъ (а это всегда возможно), въ который польскимъ депутатамъ пришлось бы такъ плохо, какъ нынѣ нѣмцамъ, то парламентарные уроки Шенерера, Вольфа и К° не прошли бы даромъ,

и польскіе ученики не остались бы позади своихъ нѣмецкихъ учителей.

Конечно, мы не будемъ ни хвалиться русскимъ владычествомъ въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ, ни обѣлять печальныя, хотя часто и неизбѣжныя, послѣдствія его. Намъ извѣстны разные эпизоды происходившіе въ томъ краѣ, о которыхъ тяжело вспоминать; много совершенно ошибокъ и несообразностей, благодаря неумѣлости и ослѣпленному усердію низшихъ исполнителей. Но этого мало. Мы вполнѣ понимаемъ трудность забвенія личныхъ страданій, перенесенныхъ нѣсколькими польскими поколѣніями послѣ 30 года и безумнаго возстанія 1863 г., сожалѣемъ объ излишней суровости многихъ принятыхъ мѣръ и искренно желали бы, чтобы наступило, наконецъ, вполнѣ мирное, трезвое, самобытное развитіе польской народности въ предѣлахъ ея дѣйствительнаго существованія, или, по крайней мѣрѣ, численнаго преобладанія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не указать, что въ предпринятыхъ стѣсненіяхъ и перенесенныхъ страданіяхъ повинно въ извѣстной степени само польское общество, не знающее мѣры, не успѣвшее въ свое

время ни оцѣнитъ благія намѣренія русскаго правительства, ни уважать права другихъ своихъ соплеменниковъ.

Вы сами упоминаете, что въ 1815 г. Императоръ Александръ I, руководимый какъ либеральными идеями, такъ и надеждою привязать поляковъ къ Россіи, даровалъ полякамъ, несмотря на сильное сопротивленіе своихъ союзниковъ (участвовавшихъ въ дѣлежѣ) и ближайшихъ совѣтниковъ (Поццо де-Борго, Нессельроде, Штейна), самостоятельное государственное существованіе и представительныя учрежденія, которыхъ не имѣли ни сосѣднія страны, ни сама Россія. Но вмѣсто того, чтобы дорожить этими пріобрѣтеніями, поляки проводили время во враждѣ личныхъ честолюбій и мелочной оппозиціи правительству, а затѣмъ ринулись въ безнадежную борьбу безъ всякаго серьезнаго повода и, конечно, пали, потерявъ всѣ дарованныя имъ льготы. Затѣмъ въ 1857—1862 г.г. еще разъ представился полякамъ случай возродиться къ новой жизни подъ управленіемъ Монарха, одушевленнаго самими благими намѣреніями, готоваго дать имъ все, что было совмѣстимо съ достоинствомъ и интересами Россіи. И снова

все было отвергнуто самымъ безумнымъ образомъ: графъ Замойскій противодѣйствовалъ маркизу Велепольскому, красные враждовали противъ бѣлыхъ. Россіи брошенъ былъ вызовъ заявленіемъ, что поляки не довольствуются предѣлами Царства Польскаго, а требуютъ и древне-русскихъ областей, входившихъ въ составъ Великаго княжества Литовскаго. Въ такомъ родѣ былъ, между прочимъ, и извѣстный адресъ подольскаго дворянства, которое не посчитало предварительно своего численнаго отношенія къ живущимъ въ Подоліи милліонамъ русскаго населенія и не считало нужнымъ обратить вниманіе на расположеніе послѣдняго къ польскому господству. Притязанія и волненія закончились безсмысленнымъ возстаніемъ 1863 г., которое расчитывало достигнуть своей цѣли фантастическою надеждою на помощь иноземцевъ и средствами тайнаго террора. Но лишь ослѣпленные люди могли надѣяться совладать съ силами Россіи; иноземное вмѣшательство оказалось шуткою, обманомъ, а терроръ революціонеровъ снизу вызвалъ терроръ сверху. Революція была подавлена безъ особаго напряженія; Польша снова пала

жертвою своего политическаго неразумія, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ конецъ либеральнымъ начинаніямъ (стр. 88, 89).

Несмотря, однако, на суровыя мѣры, которыя русское правительство вынуждено было принимать противъ волненія и возстанія, несмотря на естественное чувство горечи и недовѣрія, которыя должны были испытывать русскіе монархи по отношенію къ своимъ польскимъ подданнымъ, они никогда не лишали ихъ своего доброжелательнаго расположенія, не помышляли обезличить польскую народность или руссифицировать дѣйствительныя польскія области и всегда готовы были принять возможныя мѣры для умиротворенія края и искренняго сближенія его съ Россіей. За всю вѣковую исторію владѣнія Россіею польскими областями намъ ни разу не случалось встрѣтить что-либо подобное недавно (апрѣль м. 1898 г.) опубликованному прусскимъ правительствомъ циркуляру, скрѣпленному подписями всѣхъ министровъ, къ властямъ бывшихъ польскихъ областей. Въ циркулярѣ объявляется оффиціально, ни болѣе, ни менѣе, какъ о безповоротномъ рѣшеніи прусскаго правительства германизировать

польскія провинціи, вошедшія въ составъ Пруссіи, всѣми культурными средствами и вмѣняется властямъ въ обязанность давать рѣшительный отпоръ враждебнымъ дѣйствіямъ поляковъ. А извѣстно, что Пруссія послѣдовательна и тверда въ своихъ рѣшеніяхъ.

Должно отдать справедливость и въ томъ, что за все время самостоятельнаго существованія Польши, среднему и низшему производительному классу поляковъ никогда не жилось такъ спокойно, обезпеченно, какъ за послѣднее полустолѣтіе. Самое освобожденіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землею, огражденіе отъ вотчиннаго господства дворянства было совершено русскимъ правительствомъ. Знаменитая Польская конституція 3 мая 1791 г., устанавливая политическія права польскихъ гражданъ, глухо умолчала о гражданской свободѣ крестьянъ.

Предвижу, что мнѣ укажутъ на закрытіе многихъ католическихъ монастырей и костеловъ, на введеніе преподаванія на русскомъ языкѣ, на ограниченіе правъ польскаго землевладѣнія, на мѣры противъ пропаганды католицизма и совращенія православныхъ и т. под. Но для безпристрастнаго сужденія объ

этихъ мѣрахъ необходимо основательно отличать области, населенныя поляками или по крайней мѣрѣ съ преобладаніемъ поляковъ, отъ областей русскихъ, бывшихъ лишь временно подъ владычествомъ Польши, и гдѣ преобладающее въ огромномъ числѣ русское населеніе сохранило печальную память о бывшемъ владычествѣ польскаго шляхетства и католицизма и стремится слиться всѣми условіями жизни съ своимъ единокровнымъ и единовѣрнымъ отечествомъ. Въ послѣднихъ областяхъ мѣры правительства имѣютъ характеръ огражденія и защиты темнаго, бѣднаго русскаго крестьянства отъ слабаго числомъ, но богатаго и культурнаго дворянства и духовенства, изощреннаго въ мѣрахъ вліянія и пропаганды. Къ тому же необходимо имѣть въ виду, что указанные монастыри, костелы, епископскія каѳедры, помѣщичьи палацы, устроенные среди преобладающаго русскаго православнаго населенія, имѣли характеръ передовыхъ бастіоновъ пропаганды и во всѣхъ случаяхъ служили опорными пунктами для волненій и враждебныхъ предпріятій. Понятно, что въ подобномъ положеніи каждое правительство сочтетъ себя обязаннымъ заботиться

объ ослабленіи недружелюбныхъ чуждыхъ элементовъ.

Далѣе вы, Борисъ Николаевичъ, совершенно справедливо говорите, что для установленія мирныхъ, достойныхъ отношеній между народностями, живущими въ одномъ государствѣ, необходимо и содѣйствіе самого общества, которое должно уважать чужія народности, не отталкивать ихъ враждебными дѣйствіями и чувствами, не возбуждать противъ нихъ непріязнь и отчужденіе (стр. 350).

Безъ сомнѣнія, подобное отношеніе общества чрезвычайно важно; только на этой почвѣ могутъ установиться связи прочныя и плодотворныя. Думаемъ также, что въ этомъ случаѣ первые шаги доброжелательства и довѣрія должны быть сдѣланы господствующею, сильнѣйшею народностью. Но затѣмъ дальнѣйшее развитіе доброжелательства и уваженія требуетъ взаимности. Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что культура и исторія положили на этомъ пути не мало препятствій. Племенное различіе темперамента и характера было усилено впослѣдствіи принятіемъ поляками католицизма и болѣе раннимъ культурнымъ сближеніемъ ихъ съ

Западной Европой сравнительно съ замкнутымъ Московскимъ государствомъ. Еще болѣе развили рознь между родственными племенами неотступная наступательная политика католичества, особенно іезуитовъ, и вѣковая борьба между Москвою и Варшавою за преобладаніе и овладѣніе сосѣдними русскими областями. Въ особенности утвердились недружелюбное отношеніе и недовѣріе къ полякамъ въ русскихъ областяхъ, присоединенныхъ вмѣстѣ съ Литвою къ Польшѣ. Здѣсь высокомѣріе шляхетской эксплоатаціи низшаго русскаго населенія, притѣсненія религіозныя породили среди порабощенныхъ православныхъ недружелюбіе и недовѣріе, слѣды котораго остаются доселе въ довольно значительной степени.

Тѣмъ не менѣе исторія, породившая рознь, должна и сгладить ее; въ особенности должно надѣяться на общій трудъ и просвѣщеніе, которое не знаетъ вражды племенъ и религій, равно служитъ всѣмъ и сближаетъ людей въ работѣ для общаго блага и прогресса.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ даже указать на вполнѣ достовѣрные историческіе факты, гдѣ лучшая часть образован-

наго русскаго общества шла совершенно искренно и дружески къ сближенію съ поляками. Вспомнимъ объ отношеніяхъ между Пушкинымъ и Мицкевичемъ и о сочувствіи, которое находилъ Мицкевичъ въ Москвѣ.

Въ февральской кн. «Вѣстн. Европы» В. Д. Спасовичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о К. Д. Кавелинѣ приводитъ письмо послѣдняго, въ которомъ Кавелинъ пишетъ въ 1862 г. г. Спасовичу по поводу русско-польскихъ отношеній: «основное условіе есть то, чтобы поляки и русскіе поняли и признали себя взаимно какъ равноправные и братья, которыхъ исторія и ошибки отцовъ поссорили, но та-же исторія и политическая мудрость потомковъ должны свести ихъ въ согласіе и гармонію. Теперь рано толковать о томъ, какъ размежеваться. Рѣчь должна итти пока о томъ, какъ притти къ тому, чтобы можно было честно, безъ взаимнаго раздраженія, высказать другъ другу взаимные тріефы и, облегчивъ душу отъ зла, вражды и недовѣрія, начать жить въ одной мысли, въ одномъ стремленіи. Остальное уладится гораздо проще, чѣмъ мы думаемъ». «Въ виду этого письма, замѣчаетъ г. Спа-

совичъ, «я вправѣ заключать, что уже въ 50-хъ годахъ были люди въ русскомъ обществѣ, понимавшіе польскій вопросъ, какъ мы его теперь понимаемъ. Кавелинъ заслуживаетъ, чтобы ему отведено было первое мѣсто въ ряду этихъ дѣятелей, какъ первому иниціатору примиренія національностей подъ условіемъ уваженія съ русской стороны къ близкой ей по крови польской національности, но съ подчиненіемъ себя, со стороны польской національности, необходимымъ требованіямъ русской государственности».

Къ изложенному позволю себѣ сдѣлать небольшія фактическія дополненія. Сближеніе русскихъ съ поляками началось гораздо раньше 50 годовъ; оно выросло подъ общимъ суровымъ порядкомъ, господствовавшимъ съ 1830 г. надъ обѣими народностями. Какъ современникъ и личный свидѣтель могу утверждать, что уже въ 40-хъ годахъ образованнѣйшіе русскіе кружки въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Одессѣ (центрахъ высшихъ учебныхъ заведеній) относились съ полною симпатіей къ судьбѣ Польши и охотно входили въ дружескія отношенія съ поляками на почвѣ европейскаго про-

свѣщенія и равноправной общественности. Лучшіе и передовые профессора того времени К. Ѳ. Кесслеръ, П. В. Павловъ, В. Я. Шульгинъ, Н. Х. Бунге, М. А. Туловъ и А. И. Селинъ высказывались весьма сходно съ К. Д. Кавелинымъ, знакомились съ польскою поэзіей, исторіей и романами, (нѣкоторые, напр. В. Я. Шульгинъ и Н. Х. Бунге даже изучали польскій языкъ) и многихъ изъ среды образованныхъ поляковъ считали своими близкими друзьями. Надѣемся, что изъ среды послѣднихъ В. С. Коперницкій, бывшій учитель латинскаго языка въ Нѣжинѣ, С. В. Рупневскій, учитель 1-й Кіевской гимназіи, А. С. Шумовскій и многіе др. еще живы и могутъ подтвердить мои слова. Подобнымъ же образомъ относились къ польскому вопросу и въ литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы (Грановскій, Ешевскій), сколько можно судить по напечатаннымъ воспоминаніямъ того времени и по процессу Ѳ. М. Достоевскаго. Вслѣдъ за своими учителями и руководителями молодое многочисленное поколѣніе кіевскихъ студентовъ 40 и 50 годовъ выработало въ себѣ подобное же отношеніе къ польскому вопросу. Была одна-

ко небольшая разница между воззрѣніями К. Д. Кавелина и юго-западными передовыми людьми. Первый полагалъ, что сперва надо установить дружескія, довѣренныя отношенія, а потомъ размежеваться. Послѣдніе же, какъ ближе знавшіе мѣстныя условія, считали дружеское сближеніе съ поляками фактомъ свершившимся, доказаннымъ, размежеваніе же въ Юго-Западномъ краѣ находили совершенно излишнимъ, такъ какъ межа была проведена исторіею и подтверждалась ежедневно, какъ числомъ, такъ и современнымъ настроеніемъ громаднаго русскаго населенія, которое въ то время жаждало лишь освободиться отъ крѣпостной неволи польскаго дворянства. Взглядъ этотъ былъ совершенно открыто, искренно высказываемъ на вечернихъ дружескихъ бесѣдахъ въ Кіевѣ, въ присутствіи друзей поляковъ и послѣдніе не возражали противъ такого положенія вещей.

Волненія и возстаніе 1862—1863 г. прервали столь достойное и счастливое настроеніе и приподняли завѣсу, скрывавшую въ исконнихъ русскихъ областяхъ истинное настроеніе польскаго общества. Мы вовсе не желаемъ ни раскрывать въ

настоящее время скорбныя страницы подробностей совершившихся тогда событій, ни высказывать упреки полякамъ за непонятное ихъ ослѣпленіе, а тѣмъ болѣе торжествовать побѣду, закрывая глаза на тяжкія мѣры усмиренія. Но въ то-же время для уясненія общаго характера событій должны установить, что первое начало жестокостямъ положено было жандармами-вѣшателями; что даже у образованнѣйшихъ членовъ польскихъ кружковъ, подъ покровомъ западно-европейскаго просвѣщенія и либерализма, обнаружился католическій фанатизмъ, національная враждебность, жажда господства и эксплоатаціи низшаго русскаго населенія. Люди, достойнѣйшіе и безупречные сами по себѣ, считали себя свободными относительно своихъ русскихъ друзей отъ общепризнанныхъ условій правды и взаимности; просвѣщенные педагоги, глубокіе гуманисты въ теоріи, имѣвшіе огромное вліяніе на учениковъ, допустили уходъ и уводъ съ гимназическихъ скамей 12—16 лѣтъ мальчиковъ въ лѣса и банды, откуда черезъ нѣсколько дней они были приведены въ самомъ горестномъ видѣ, а многіе совсѣмъ погибли. Въ особенности было

фальшиво и двулично отношеніе къ крестьянамъ помѣщиковъ и посредниковъ, которые почти исключительно были изъ мѣстныхъ дворянъ-поляковъ. Они не могли переносить равнодушно волостныхъ правленій и сельскихъ сходовъ, назначали своихъ оффиціалистовъ старшинами и писарями, которые подвергали крестьянъ учащеннымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, дѣлали насильственные обмѣны земель и ставили крестьянскимъ надѣламъ несообразную оцѣнку (напр., въ Радомыслькамъ уѣздѣ 35 л. назадъ назначено было отъ 25—32 р. за десятину). Такое поведеніе посредниковъ держало крестьянъ въ постоянномъ возбужденіи, нерѣдко переходившемъ въ безпорядки, и тогда посредники требовали присылки войскъ и жандармовъ. Затѣмъ, когда уже началось возстаніе, когда появились банды съ золотыми грамотами, обѣщавшими свободу, даровые надѣлы земли, освобожденіе отъ всѣхъ податей, тѣ же самые посредники и дворяне не проронили слова, чтобы вразумить крестьянъ въ ложности этихъ грамотъ, и продолжали засыпать мѣстное начальство жалобами на отказы крестьянъ отбывать уставныя повинности, на ихъ буйство, грабе-

жи, насилія и также требовали войскъ и жандармовъ. Самая выдумка раздавать крестьянамъ золотыя грамоты выражала въ сущности глубокое презрѣніе къ русскому крестьянству. Очевидно, изобрѣтатели смотрѣли на русское крестьянство какъ на дикарей, которыхъ можно прельстить мишурою. Но пріемъ, оказанный крестьянами мишурнымъ грамотамъ, показалъ ясно, что дикари были гораздо трезвѣе и дальновиднѣе своихъ ослѣпленныхъ обольстителей. Поведеніе русскихъ крестьянъ во время возстанія и дальнѣйшія судьбы обязательнаго выкупа вызвали у того же К. Д. Кавелина, въ началѣ 80 годовъ, въ Петербургѣ, въ одномъ кружкѣ слѣдующія слова: «да! намъ больно, намъ стыдно, но среди этого зла мужицкое царство края впервые вздохнуло свободно и получило права человѣка»!

Указанный характеръ польскихъ волненій, неожиданныя открытія и разочарованія невольно побудили русское образованное общество Юго-Западнаго края дать иную оцѣнку своему дружелюбному отношенію къ польскому обществу. Тѣ же самыя лица, которыя еще годъ—два назадъ относились съ полнымъ довѣріемъ къ сво-

имъ друзьямъ-полякамъ, читали и наслаждались вмѣстѣ сонетами Мицкевича, поэмами Пушкина, сочли своимъ долгомъ протестовать противъ золотыхъ грамотъ, умышленной лжи заграничной прессы, пренебреженія къ задачамъ просвѣщенія и издали въ іюлѣ 1863 г. отъ имени университета св. Владиміра извѣстную брошюру, подписанную всѣми наличными профессорами университета (въ томъ числѣ ректоромъ Иванишевымъ, Нейкирхомъ, Бунге, Шульгинымъ, Ѳаворовымъ, Вальтеромъ, Алферьевымъ, Мерингомъ, Незабитовскимъ и др.) объ истинномъ значеніи польскаго возстанія въ Юго-Западномъ краѣ. Въ заключеніи этой брошюры сказано: «мы оканчиваемъ, но какъ члены университета считаемъ необходимымъ присоединить, что польское возстаніе довершило дѣло пропаганды, которая въ теченіе стольких лѣтъ возбуждала узкія національныя стремленія, нерѣдко враждебныя не только русскому, но и всему иноземному».

«Пропаганда нравственно губила молодыя поколѣнія, отвлекая ихъ отъ серьезнаго труда, возстаніе обрекло ихъ на погибель: университетъ по преимуществу испытывалъ на себѣ дѣйствіе этой разруши-

тельной силы. Подчиняясь невольно вліянію, которое съ ранней поры, въ семейной средѣ и у алтаря церкви, охватывало нравственную и духовную сторону ребенка и юноши, студенты-поляки, по большей части, не искали въ университетѣ научнаго серьезнаго образованія. Помыслы ихъ сосредоточивались на поклоненіи всему польскому, безъ критической оцѣнки тѣхъ темныхъ сторонъ, которыя могутъ быть указаны въ жизни каждаго народа. Это не обвиненіе, а прискорбный фактъ! Если силы университета были слишкомъ слабы для того, чтобы выдержать эту неравную борьбу, то, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ право сказать, что мы служили просвѣщенію въ духѣ примиренія народностей, и думаемъ, что настоящая записка (брошюра), какъ возстановленіе исторической истины, направлена къ достиженію той-же самой цѣли...» (стр. 55).

Приведенныя строки, исполненныя мира и уваженія къ истинѣ, показываютъ, что даже въ самый разгаръ волненія, возбужденія страстей, высшая ученая русская корпорація была далека отъ озлобленія и мести и отстаивала только историческую

правду и право всѣхъ слоевъ русскаго общества развивать свободно начала собственной жизни. Безъ сомнѣнія, въ настоящее время, спустя 36 лѣтъ послѣ возстанія, русское общество еще болѣе готово жить съ поляками въ согласіи и взаимномъ уваженіи. Но для успѣха и прочности развитія необходимо, чтобы польскіе кружки не уклонялись отъ искренняго общенія, устранили-бы поводы для сомнѣній и опасеній. Въ особенности важно, чтобы католическое духовенство ограничило свое призваніе религіозными задачами, утвердилось въ духѣ терпимости и отказалось отъ наступательнаго направленія. Считаемъ себя вправѣ настаивать на послѣднемъ условіи, потому что очень недавно, въ 80-хъ годахъ, когда одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и добросердечныхъ русскихъ іерарховъ, покойный митрополитъ Платонъ объѣзжалъ кіевскую епархію, произошелъ слѣдующій знаменательный опубликованный и не опровергнутый фактъ: при проѣздѣ его черезъ м. Коростышевъ настоятель мѣстнаго католическаго костела счелъ подобающимъ открыть двери костела и вышелъ на порогъ своего храма съ крестомъ; митрополитъ вышелъ

изъ экипажа, приложился къ кресту и благодарилъ настоятеля за братскую встрѣчу. Однако, такой достойный и вполнѣ христіанскій поступокъ ксендза вызвалъ неодобреніе со стороны высшаго духовнаго католическаго начальства и коростышевскій ксендзъ былъ переведенъ въ другой, гораздо худшій приходъ

На этомъ странномъ и печальномъ фактѣ я оканчиваю разъясненія и дополненія, которыя считалъ необходимымъ сдѣлать по поводу вашей, многоуважаемый Борисъ Николаевичъ, постановки польскаго вопроса въ Россіи. Въ сущности дѣла, въ общихъ основаніяхъ охотно присоединяемся къ воззрѣніямъ вашимъ и покойнаго Константина Дмитріевича Кавелина, но съ оговорками, указанными выше.

Мы убѣждены, что для установленія прочныхъ и достойныхъ отношеній и чтобы избѣжать въ будущемъ разочарованій и сожалѣній однихъ, увлеченій и обольщеній другихъ, необходимо сдѣлать предварительно безпристрастную расцѣнку историческихъ и статистическихъ данныхъ и на основаніи ихъ установить общежитіе на основахъ правды, законности и взаимнаго уваженія;

вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо для поляковъ искренно примириться съ даннымъ положеніемъ въ исконныхъ русскихъ областяхъ и признать, что бывшее случайное и временное господство незначительной, хотя богатой и болѣе культурной горсти поляковъ надъ милліонами русскаго населенія не даетъ ей права владычествовать надъ нимъ и подчинять своей культурѣ; а съ другой стороны, никакое правительство, сознающее свое призваніе, не откажется отъ охраны бѣднаго и темнаго крестьянства и отъ мѣръ утвержденія за преобладающимъ русскимъ населеніемъ подобающаго ему въ краѣ положенія.

Письмо второе.

Еврейскій вопросъ.

М. Г.

Борисъ Николаевичъ!

Перехожу къ еврейскому вопросу въ Россіи, котораго вы коснулись въ своей Политикѣ и который, мнѣ кажется, несравненно сложнѣе и труднѣе вопроса польскаго. Въ послѣднемъ преобладаетъ сторона политическая, въ первомъ затрагиваются отношенія религіозныя, національныя, экономическія, историческія, наслоенія различныхъ эпохъ и условій, и каждое изъ нихъ такъ сплелось съ характеромъ и бытомъ коренного населенія, представляетъ столько ступеней и оттѣнковъ въ общественномъ строѣ, что необыкновенно трудно опредѣлить ихъ реальное значеніе и дать каждому соотвѣтственное мѣсто и вѣрное разрѣшеніе. Правда, 18-й вѣкъ ослабилъ религіозную рознь и нетерпимость, но за то 19 в.

породилъ вражду національную и экономическую и въ настоящее время народы стоятъ другъ противъ друга, вооруженные батареями и боевыми пошлинами, а внутри каждаго государства идетъ борьба за существованіе между капиталомъ и трудомъ, между колоссальными космополитическими синдикатами и мелкимъ производствомъ и рабочими.

По поводу многовѣчной и печальной повѣсти еврейскаго странствія вы высказываете, что на поприщѣ всемірной исторіи были два народа, которымъ человѣчество обязано высшими своими духовными благами—эллины и евреи. Отъ первыхъ оно получило высшія начала свѣтской культуры, которая легла въ основаніе всей новой цивилизаціи; вторымъ оно обязано всѣмъ своимъ нравственнымъ достояніемъ. Но первые, какъ весенній цвѣтъ, исчезли, совершивъ свое дѣло; вторые-же, униженные, угнетенные, разсѣянные по всей землѣ, сохранили свою вѣру, завѣты предковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкую внутреннюю связь и рѣзкія черты національнаго характера. Мало того, это удивительное племя съумѣло среди самаго униженія сдѣлаться общественною силою. Съ непреоборимою

крѣпостью духовнаго строя у него соединяется изумительная изворотливость въ денежныхъ дѣлахъ и ничѣмъ не смущающаяся настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей; уже въ средніе вѣка евреи сдѣлались главными капиталистами среди европейскихъ народовъ. Когда-же, съ устраненіемъ религіознаго гнета и съ водвореніемъ общей свободы, передъ ними открылось широкое поле для дѣятельности, они сдѣлались царями финансоваго міра; вслѣдъ затѣмъ и на другихъ поприщахъ, въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ, особенно въ журналистикѣ, они заняли выдающееся положеніе...

«Но именно эти успѣхи презираемаго племени возбудили противъ него усиленную непріязнь. Между тѣмъ какъ законодательства установили всеобщую свободу и гражданское равенство, въ массахъ, направляемыхъ слѣпыми инстинктами и темными побужденіями, продолжала держаться упорная вражда къ чужому элементу. Христіанинъ видитъ въ немъ не брата, а существо низшей породы. Забываютъ, что именно отъ этого существа мы получили высшее, что есть въ мірѣ, законъ милости и любви. Тем-

ныя массы воздвигаются на погромъ еврейскаго имущества; въ среднихъ слояхъ развивается антисемитизмъ; въ настоящее время даже въ самыхъ образованныхъ странахъ обнаруживаются эти теченія, составляющія признаки одичанія...»

«Къ сожалѣнію, не всѣ христіанскія законодательства умѣютъ возвыситься надъ такимъ низменнымъ уровнемъ. Въ Западной Европѣ антисемитизмъ представляется только уродливымъ явленіемъ, которое не оказываетъ вліянія на законодательство. Но у насъ сохраняются средневѣковыя стѣсненія гражданскихъ правъ евреевъ...

«Евреевъ обвиняютъ главнымъ образомъ въ томъ, что они будто-бы высасываютъ кровь того населенія, среди котораго живутъ, парализуютъ его дѣятельность и обращаютъ его въ нищихъ. Встрѣчаются даже образованные люди, которые видятъ въ нихъ какихъ то паразитовъ, которыхъ надо истреблять. Какъ будто ремесленники, торговцы, комиссіонеры, адвокаты, музыканты суть паразиты! Тѣ, которымъ доводилось жить въ Малороссіи, наполненной евреями, и сравнивать бытъ тамошнихъ крестьянъ съ великороссами,

знаютъ, до какой степени эти обвиненія преувеличены; если есть разница, то скорѣе въ пользу малороссовъ. Тамошніе жители, не отуманенные слѣпыми инстинктами, глядящіе безъ предубѣжденія, отъ помѣщиковъ до священниковъ, не только не видятъ отъ евреевъ никакого зла, а напротивъ, признаютъ за ними существенную пользу. Ихъ неустанная дѣятельность и оборотливость оживляютъ торговлю и облегчаютъ сбытъ. Безъ сомнѣнія, среди нихъ встрѣчаются антипатичныя черты. Тысячелѣтній гнетъ не прошелъ для нихъ даромъ; стѣсненные со всѣхъ сторонъ, они постоянно должны были дѣйствовать обманомъ и хитростью, и эти пріемы наложили на нихъ извѣстную печать. Но развѣ не то же самое мы замѣчаемъ и въ русской торговлѣ, которую прошедшая наша исторія не пріучила къ честности? Развѣ русскій кулакъ не такой же, если не худшій ростовщикъ, нежели еврей?.. Во всякомъ случаѣ, непонятно, если евреи дѣйствительно вредны, почему имъ отдаются въ жертву жители извѣстныхъ мѣстностей, среди которыхъ они принуждены жить, стараясь извлечь изъ нихъ средства пропитанія для

слишкомъ скученнаго населенія. Непонятно также, почему еврей, принявшій крещеніе изъ корыстныхъ видовъ, т. е. показавшій себя негодяемъ, разомъ пріобрѣтаетъ всѣ гражданскія права? Такого рода законодательство вноситъ въ государственную жизнь несправедливость, произволъ; возбуждая озлобленіе въ притѣсняемыхъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ понижаетъ нравственный уровень общества, а съ другой стороны—оно умаляетъ и матеріальное его благосостояніе, лишая его пользы, которую приноситъ живое и дѣятельное населеніе, обладающее энергіей, оборотливостью и капиталомъ. Можно думать, что финансовое и экономическое положеніе Россіи было бы иное, если бы съ евреевъ сняты были всѣ стѣсненія и имъ дозволено было, какъ и всѣмъ людямъ, безпрепятственно пользоваться гражданскою свободою, безпрепятственно расширять свою дѣятельность, селиться гдѣ угодно и заниматься чѣмъ угодно» (стр. 351, 466—469).

Высказанныя вами, Борисъ Николаевичъ, воззрѣнія на еврейскій вопросъ преобладаютъ среди западно-европейскихъ публицистовъ и мыслителей, особенно во

Франціи и Англіи, хотя, съ другой стороны, вооруженный національнизмъ вообще, и въ частности антисемитизмъ усилился съ 60 годовъ 19 ст., особенно въ Германіи и Австріи.

Одинъ изъ талантливыхъ современныхъ публицистовъ Франціи A. Leroi Beaulieu посвятилъ еврейскому вопросу даже отдѣльное изслѣдованіе «Israel chez les nations» (1893, изд. 5) и идетъ гораздо далѣе васъ, изображая въ привлекательныхъ чертахъ близкое мирное сліяніе евреевъ съ христіанствомъ. Онъ считаетъ вообще еврейскій вопросъ плодомъ исторіи и особенно среднихъ вѣковъ. По его мнѣнію, 20-вѣковая Одиссея евреевъ внесла много смѣшенія въ семитическую кровь, и въ свою очередь западно-европейскіе христіане далеко не чистые арійцы. Современный типъ еврея вовсе не есть продуктъ одной рассы; его образовали, съ одной стороны, италіанскіе гетто, германскіе Iudengasse, провансальскіе carrière; а съ другой стороны юдаизмъ вынужденъ былъ ограждать себя отъ христіанства ритуаломъ, обрядностію; синагога съ Торою и Гемарою служили ему воздухомъ, пищею, которыя изолировали и за-

щищали его отъ окружающаго строя жизни. Среди бѣдствій и притѣсненій одна обрядность и отчужденіе отъ всего христіанскаго давали ему реальность, силу; догма и мораль Моисея затемнились и заняли подчиненное мѣсто среди толкованій Талмуда.

Но эти искусственные, историческіе наросты видимо ослабѣваютъ и разрушаются; вездѣ, гдѣ была дана еврею свобода и сняты соціальныя преграды, онъ стремится къ сліянію съ мѣстною жизнію. Устраните еврейскую обрядность, талмудическое отчужденіе, и еврейская догма такъ проста и присуща каждой частной религіи, а христіанское ученіе такъ возвышенно, всеобъемлюще и близко душѣ каждаго человѣка, что евреи легко могутъ слиться съ христіанами и взойти вмѣстѣ на гору Іеговы творить общую молитву Вѣчному Богу...

«Но въ состояніи ли евреи на подобное самоубійство, спрашиваетъ Леруа Больѣ? Мечта эта вполнѣ возможна и современные факты ясно указываютъ, что въ Западной Европѣ совершается денаціонализація евреевъ, въ однихъ мѣстахъ быстрѣе, въ другихъ медленнѣе. Тщетно раввины, напитанные Гемарою, оплакиваютъ направле-

ніе послѣдняго времени; духъ западно-европейской жизни поднялся надъ Израилемъ и овладѣваетъ имъ. Преобразованіе совершается не только въ синагогѣ, но и въ домѣ и въ семьѣ; евреи все болѣе и болѣе подвергаются вліянію западно-европейской культуры. Старый типъ еврея, въ длинномъ кафтанѣ и въ длинныхъ пейсахъ, почти исчезъ въ Западной Европѣ; его съ трудомъ можно отыскать развѣ въ деревушкахъ Эльзаса; скоро придется искать его въ Галиціи, Польшѣ, Россіи... Къ этому должно дополнить, что евреи обладаютъ удивительною способностію къ ассимиляціи: они готовы на всякія превращенія, примѣняются ко всякимъ условіямъ, легко принимаютъ чужой языкъ, одежды; въ теченіе одного, двухъ поколѣній преобразуются въ француза, англичанина, нѣмца и входятъ въ жизнь и интересы пріютившей ихъ націи, если только эта нація не отталкиваетъ ихъ отчужденіемъ и исключительными законами. Предположеніе о возможности и желаніи евреевъ соединить свои разсѣянныя колѣна и возстановить въ Палестинѣ еврейское государство есть совершенно праздная мысль. Западно-европей-

скіе евреи вовсе не мечтаютъ о возсоединеніи въ Іерусалимѣ. Стремленіе къ сепаратизму существуетъ только тамъ, гдѣ евреи живутъ сплочено, большими массами и гдѣ государственные законы препятствуютъ ихъ сліянію съ кореннымъ населеніемъ; здѣсь они составляютъ замкнутыя общины и хотя въ праздникъ Рошъ-Гашана они заканчиваютъ свою молитву словами: «въ будущемъ году въ Іерусалимѣ», но молитва эта имѣетъ болѣе символическое значеніе. Самая надежда на пришествіе Мессіи, возстановленіе царства знаменуетъ лишь ожиданіе свободы и равноправности. Даже полунишіе польскіе евреи стремятся не въ Палестину, а въ Америку. Одинъ польскій еврей высказался по этому поводу очень характерно: «если снова возникнетъ еврейское царство, я буду просить, чтобы меня назначили консуломъ Палестины въ Варшаву».

«Да имѣетъ-ли современный еврей свой особый національный духъ, продолжаетъ Леруа-Болье, кромѣ религіи, изъ которой онъ удерживаетъ нынѣ, главнымъ образомъ, обрядность и талмудическіе уставы? Съ тѣхъ поръ какъ французская революція разру-

шила средневѣковыя оковы, евреи бросились на всѣ поприща жизни; не довольствуясь торговлею и биржею, они явились въ область искусства, науки, музыки, театра, политики; вездѣ они гибки, предпріимчивы, вездѣ быстро усваиваютъ и пускаютъ въ оборотъ добытыя идеи и изобрѣтенія. Но ни на одномъ поприщѣ они не обнаруживаютъ самобытнаго духа, самостоятельнаго творчества, генія, въ которомъ отражались бы блескъ и сила древняго востока и Сіона...

«Несмотря, однако, на очевидное вліяніе западно-европейской культуры на евреевъ, нельзя не признать, что въ характерѣ и дѣятельности современнаго культурнаго еврея есть нѣчто чуждое, слишкомъ реальное, лишенное идеаловъ и чувства истиннаго гуманизма; превращаясь въ француза, нѣмца, англичанина, евреи, такъ сказать, только линяютъ; въ глубинѣ-же души остаются іудеями, нерасположенными къ христіанскому обществу. Въ свою очередь въ христіанскихъ массахъ господствуетъ до сихъ поръ недовѣріе, инстинктивная антипатія къ нимъ. Виновата въ этомъ та-же

исторія и неизбѣжная психологія каждаго населенія, перенесшаго вѣковое угнетеніе и составляющаго меньшинство.

«Пусть засіяетъ надъ евреями, заключаетъ Л. Б., царство свободы, справедливости, искренняго братства, и несомнѣнно, всѣ эти историческіе наросты и взаимные грѣхи исчезнутъ сами собою и потомки Сима и Іафета станутъ совмѣстно и дружно трудиться для пришествія царства Божія. Во всякомъ случаѣ, если современнымъ народамъ грозитъ опасность, то она исходитъ не отъ религій, не отъ раввина, ксендза или пастора, а отъ потери вѣры, господства реализма, боготворенія силы государства и мірской власти, противъ которыхъ въ свое время евреи и христіане протестовали кровію своихъ пророковъ и мучениковъ».

Мы съ намѣреніемъ привели главнѣйшія соціальныя положенія Леруа Болье; намъ кажется, что они составляютъ необходимое логическое развитіе воззрѣній, высказанныхъ вами, Борисъ Николаевичъ, т. е. что евреи должны воспринять въ себя западно-европейскую культуру и слиться съ

соціальнымъ строемъ той страны, въ которой живутъ, на началахъ гражданской свободы и равенства правъ.

Прежде, однако, нежели обратиться къ подробному уясненію этихъ началъ, считаю необходимымъ указать, что въ данныхъ какъ вашихъ, такъ и Леруа Болье, есть нѣкоторыя серьезныя историческія невѣрности. Вы, Б. Н., исходите изъ того, что христіанское человѣчество, обязанное всѣми своими духовными благами евреямъ и эллинамъ, не только не воздаетъ сохранившимся доселѣ евреямъ справедливости, но держитъ ихъ въ униженномъ и угнетенномъ состояніи. Конечно, христіанская культура составляетъ прямое наслѣдство отъ евреевъ, грековъ и римлянъ; но несомнѣнно, что между древнимъ Израилемъ Палестины и современнымъ, разсѣяннымъ, космополитическимъ еврействомъ образовалась большая пропасть. Внутренняя связь, самобытность духа, чистыя скрижали Моисея давно растеряны и затемнены талмудомъ и 20 вѣковымъ скитаніемъ и бѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между патріархальнымъ, самобытнымъ, глубо-

ко вѣрующимъ деистомъ Палестины, котораго не могли соблазнить ни блескъ гре-ковъ, ни мечъ римлянъ, и нынѣшнимъ юркимъ, изворотливымъ, готовымъ на всякую метаморфозу евреемъ? Я думаю, что разница не менѣе, какъ и между нынѣшнимъ грекомъ и современниками Платона, Аристотеля и Перикла.

Притомъ же, если христіанское ученіе и родилось среди евреевъ, если еврейскій глубокій деизмъ служилъ почвою для христіанскихъ вѣрованій, то несомнѣнно, что христіанство было протестомъ противъ окаменѣлаго формализма синагоги и фарисеевъ и должно было искать себѣ послѣдователей среди другихъ, болѣе свѣжихъ народовъ. Сверхъ того, христіанство внесло возвышенные идеалы любви, всепрощенія и братства всего человѣчества, которыхъ не знали ни Моисей, ни позднѣйшіе пророки, вѣщатели гнѣва и мести Іеговы. Такимъ образомъ, если «исчезли греки, какъ весенній цвѣтъ», совершивъ свою задачу, то исчезло и то еврейство, которое породило христіанство. Въ настоящее время мы имѣемъ дѣло съ новою формаціей евреевъ,

отличныхъ отъ древняго Израиля и по духу вѣрованій и по національному характеру.

Равнымъ образомъ, погрѣшаетъ и Леруа Болье, утверждая, будто современники-евреи выработались исключительно подъ вліяніемъ гетто, христіанскихъ гоненій, догматизма талмуда и обрядностей синагоги. Исторія и самая библія опредѣленно удостовѣряютъ, что евреи отличались своею исключительностію и отчужденіемъ отъ другихъ племенъ еще со временъ Моисея; во время плѣна вавилонскаго враждебность къ нимъ мѣстнаго населенія обнаруживалась весьма сильно. Ювеналъ и Тацитъ удостовѣряютъ, что и въ Римѣ евреи не пользовались народными симпатіями; въ большихъ городахъ древняго міра, Римѣ, Антіохіи, Александріи, греческая и римская чернь нападала на нихъ не разъ, какъ на людей чуждыхъ имъ по нравамъ, характеру и вѣрованіямъ. Такимъ образомъ, христіанскія гоненія и гнетъ талмудизма могли лишь усилить и развить тотъ исключительный и нетерпимый характеръ, которымъ евреи отличались со дней бытія.

Но оставимъ историческія поправки и

обратимся къ современной практической сторонѣ, къ тѣмъ положеніямъ, которыя вы, Борисъ Николаевичъ, высказываете относительно правъ евреевъ въ Россіи. Вы предлагаете прямо уничтожить всѣ стѣсненія для евреевъ и распространить на нихъ общую гражданскую свободу, въ силу которой они могли бы селиться гдѣ угодно и безпрепятственно расширять свою дѣятельность во всѣхъ сферахъ общежитія.

Можно думать, что каждый просвѣщенный человѣкъ, въ которомъ не заглохли чувства правды и гуманности, раздѣлитъ ваши положенія въ смыслѣ стремленія достигнуть цѣли гражданской свободы и уравненія правъ евреевъ. Но въ то-же время едва-ли какой-либо государственный человѣкъ или общественный дѣятель, знакомый съ исторіей поселенія евреевъ въ Россіи, знающій дѣйствительныя условія жизни русскихъ и евреевъ, считалъ-бы возможнымъ привести сразу ваши положенія въ исполненіе, безъ необходимой постепенности и предварительныхъ мѣръ подготовки. Вѣдь вы сами, Борисъ Николаевичъ, опредѣляя значеніе и задачи политики, говорите, что этотъ

предметъ, по существу своему, уясняетъ лишь «начала относительнаго»; что полезное въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, можетъ быть вредно въ другое время и въ другомъ мѣстѣ; что годное для одного народа, можетъ вовсе не приходиться другому; что учрежденія благодѣтельныя въ младенческомъ состояніи общества, становятся въ высокой степени стѣснительными при дальнѣйшемъ его ростѣ. Даже въ одно и то-же время и въ одномъ и томъ-же мѣстѣ учрежденія и мѣры, выгодныя для одной части населенія, могутъ быть вредны для другой. Одно теоретическое разрѣшеніе политическихъ и общественныхъ явленій тѣмъ менѣе здѣсь умѣстно, что къ объективнымъ основамъ неизбѣжно примѣшивается субъективная оцѣнка». (стр. 41).

Исторія положенія евреевъ въ Россіи извѣстна: они явились въ ней не путемъ колонизаціи, постепеннаго нарожденія, а случайными судьбами исторіи, въ силу которыхъ въ древнихъ русскихъ областяхъ, состоявшихъ съ 15 до конца 18 вѣка подъ владычествомъ Польши, оказалось нѣсколько милліоновъ евреевъ. У славянскихъ племенъ съ давнихъ временъ замѣчается не-

расположеніе къ евреямъ; кіевляне не разъ обнаруживали вражду къ нимъ, а послѣ смерти Святополка Изяславовича (1093—1113) совершили даже погромъ, прекращенный только Владиміромъ Мономахомъ (Евреи въ юго-западной Руси и въ Кіевѣ въ X—XII в., проф. Малышевскаго 1878 г.).

Затѣмъ черезъ весь періодъ московскій красною чертою проходитъ отчужденіе и опасеніе русскаго народа относительно евреевъ; чувства эти обнаруживались во всѣхъ классахъ общества и законодательство служило лишь точнымъ ихъ выраженіемъ. Извѣстенъ отвѣтъ императрицы Елисаветы на предложеніе евреевъ дать болѣе высокую откупную цѣну за право продажи въ имперіи водки: «Не желаю интересной прибыли отъ враговъ моего Господа Христа». Несомнѣнно, что и въ настоящее время въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ населеніе относится недовѣрчиво, нерасположенно къ евреямъ. Допускаю, что въ этомъ случаѣ имѣетъ нѣкоторое значеніе боязнь русскаго купечества и сельскихъ кулаковъ опасной конкурренціи евреевъ. Но вѣдь чувство нерасположенія замѣчается также и въ массѣ простого земледѣльческаго класса, который

продаетъ только свой мозольный трудъ, за который евреи, вѣроятно, предложили-бы высшую плату.

Я не оправдываю подобныхъ явленій, не берусь даже рѣшать, кто больше виновенъ въ нихъ,—печальныя-ли свойства евреевъ, или особый характеръ русскихъ; я только констатирую фактъ, отмѣчаю историческую давность и современную живучесть нерасположенія къ евреямъ. Убѣжденъ, что опросъ населенія, если-бы онъ былъ возможенъ, подтвердилъ-бы внушительнымъ перевѣсомъ большинства предложенныя указанія.

Вы, Борисъ Николаевичъ, указываете на Малороссію, жители которой отъ помѣщиковъ до священниковъ не только не видятъ отъ евреевъ зла, но признаютъ за ними пользу. Это довольно понятно. Евреи старые поселенцы Малороссіи и, при неподвижности, непредпріимчивости коренного населенія, безъ сомнѣнія, оживляютъ мѣстную торговлю, облегчаютъ сбытъ; но при всемъ этомъ, проживя большую часть жизни въ малороссійскихъ губерніяхъ, я знаю всѣ слои тамошняго населенія, и могу сказать, что даже здѣсь, гдѣ населеніе

обжилось съ евреями, пользуется ихъ услугами, громадная часть, именно все крестьянство, относится къ евреямъ недовѣрчиво, опасливо. Здѣсь они скомпрометировали себя беззастѣнчивыми обманами винной торговли и лихвеннымъ вымогательствомъ. Нужно не мало времени и разныхъ мѣръ просвѣщенія и очищенія себя отъ наросшихъ язвъ, чтобы все русское населеніе вступило съ ними въ искреннія, довѣренныя сношенія.

При такихъ условіяхъ, возможно-ли и разумно-ли сразу снять черту еврейской осѣдлости и съ спокойнымъ духомъ ожидать, какъ масса обнищалаго, большею частью морально испорченнаго еврейскаго населенія бросится за черту и заполонитъ наши города и особенно села, неимѣющія ни силъ, ни способовъ бороться съ еврейскою изворотливостью и жаждою добычи? Можно-ли сказать, что кто либо имѣетъ право въ такой степени нарушать историческія черты русской народной жизни и ломать сложившіяся экономическія отношенія? Едва-ли выиграютъ при этомъ и сами евреи, такъ какъ въ массѣ они принесутъ не знанія и прочный трудъ, а аппетиты быстрой на-

живы на счетъ темнаго оторопѣлаго населенія; черезъ два-три поколѣнія этимъ нежданнымъ пришельцамъ станетъ уже тѣсно и они снова должны будутъ искать новыхъ мѣстъ для легкой добычи.

На этомъ основаніи возможно расширить право пребыванія и поселенія для тѣхъ лишь евреевъ, которые предъявятъ достаточныя гарантіи своей трудовой полезной дѣятельности, и то на первое время лишь въ городахъ, торговыхъ посадахъ и мѣстечкахъ; къ числу такихъ лицъ можно отнести купцовъ, ремесленниковъ (конечно, не по свидѣтельствамъ мѣщанскихъ и цеховыхъ управъ), артистовъ, музыкантовъ, всѣхъ обладающихъ аттестатами не однихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, но и низшихъ торговыхъ, техническихъ, земледѣльческихъ училищъ. При этомъ совершенно излишне обставлять такія передвиженія особыми видами, билетами на жительство; достаточно общихъ документовъ, опредѣляющихъ права личныя и по состоянію. Установленіе особыхъ билетовъ даетъ только поводъ для непрерывныхъ стѣсненій и вымогательствъ. Въ этомъ случаѣ не имѣетъ значенія появленіе какихъ

либо лишнихъ, фиктивныхъ артистовъ, музыкантовъ, ремесленниковъ; важно устранить общій и одновременный наплывъ нерабочаго и опаснаго населенія.

Вы, Борисъ Николаевичъ, говорите, что «не понимаете, почему евреямъ, если они дѣйствительно вредны, отдаются въ жертву лишь жители извѣстныхъ мѣстностей, среди которыхъ они должны жить и извлекать изъ нихъ средства пропитанія»? Отвѣтъ на это даетъ исторія, которая во время польскаго владычества ввела евреевъ въ среду русскаго населенія. Не могло-же русское правительство прибѣгнуть къ испанскимъ средствамъ временъ Фердинанда и Изабеллы, т. е. изгнать евреевъ поголовно изъ возвращенныхъ русскихъ областей. Но вашъ вопросъ я могу предложить въ обратной формѣ: почему можно считать справедливымъ распространить невольный историческій даръ и на то населеніе, которое цѣлые вѣка обходилось безъ него, которому самому тѣсно и скудно добывать себѣ пропитаніе и которое ничѣмъ не обнаруживаетъ охоты къ сближенію?

Относительно предлагаемой вами, Борисъ Николаевичъ, свободы евреевъ во всѣхъ

профессіяхъ и сферахъ общественной жизни я согласенъ въ томъ, что необходимо избѣгать опредѣленія положительныхъ нормъ и задачъ для дѣятельности евреевъ (напр., принуждая ихъ заниматься земледѣліемъ) и особенно излишней регламентаціи, открывающей лишь поводы для нарушеній со стороны евреевъ и соблазновъ для исполнителей; выборъ труда должно предоставить усмотрѣнію и энергіи людей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство не есть простая логическая система; оно есть живая сила, устанавливающая нормы на основаніи свойствъ людей и отношеній, развитія и потребностей общества. Въ этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на особенность современнаго еврейства, живущаго въ Россіи. Евреи обладаютъ большею энергіей, подвижностью и предпріимчивостью, даже сравнительно съ великороссами; они болѣе культурны, всѣ грамотны, имѣютъ навыкъ въ соображеніи выгодности дѣлъ; наконецъ, они сохранили крѣпкую внутреннюю связь, солидарность, руководство и помощь кагала, хотя и не признаннаго оффиціально. Все это даетъ имъ большія преимущества передъ разобщеннымъ, слабымъ и темнымъ кресть-

янствомъ, на которомъ зиждется сила и прочность Россіи. Нельзя отдать это «мужицкое царство» на произволъ корыстной, ничѣмъ не стѣсняемой, смѣлой спекуляціи и конкурренціи. Не должно упускать изъ вида, что современныя государства и культура такъ развились, усложнились, породили такое разнообразіе и противорѣчіе интересовъ и неизбѣжную борьбу ихъ, а также такое неравенство классовъ и силъ общества, что новѣйшія законодательства уже не могутъ довольствоваться установленіемъ безопасности, гражданской свободы и внѣшняго благоустройства. Всѣ публицисты со временъ Штейна и Гнейста ставятъ государству болѣе широкія задачи; оно должно поддерживать гармонію общественной жизни, защищать интересы однихъ противъ другихъ, охранять слабыхъ, осуществлять то, что требуется равно для всѣхъ. «Государство не должно поощрять, говоритъ Гнейстъ, одну животную сторону человѣка, порождающую стремленіе къ пріобрѣтенію, владѣнію, пользованію слабѣйшими; оно обязано поддерживать и моральную сторону, которая требуетъ, чтобы человѣкъ жилъ не только для блага своего, но и для дру-

гихъ. Вслѣдствіе этого чѣмъ болѣе развивается неравенство классовъ и силъ, тѣмъ болѣе нужно сильное, руководящее и охраняющее государство».

На основаніи такихъ началъ можно указать на нѣкоторыя необходимыя ограниченія относительно нынѣшняго положенія евреевъ въ Россіи.

Какъ извѣстно, у насъ крестьянская земельная собственность едва служитъ для пропитанія населенія, еле держится отъ напора крестьянскаго кулачества, среди непрерывной нужды, неразвитости и частыхъ неурожаевъ. Невозможно предоставить евреямъ право пріобрѣтать крестьянскую землю, иначе въ короткое время половина крестьянскихъ надѣловъ попадетъ въ еврейскія руки, а крестьяне обратятся въ батраковъ. Съ другой стороны, земельная собственность, большая и средняя, заключаетъ въ себѣ не простое гражданское имущество; она создаетъ извѣстное общественное положеніе, выражаетъ серьезную мѣстную экономическую и моральную силу; каждое имѣніе, сколько-либо благоустроенное, составляетъ центръ, въ которомъ окружающее крестьянство находитъ для себя

заработки, помощь, совѣты, примѣры и побужденія къ улучшенію своего быта и труда. Даже арендаторы могутъ оказывать на окружающее крестьянство болѣе или менѣе серьезное вліяніе. Поэтому въ настоящее время необходимо устранить евреевъ отъ пріобрѣтенія и даже аренды сельской земельной собственности, пока евреи живутъ своею чуждою исключительною жизнью и не обнаружатъ благопріятныхъ признаковъ культурнаго сліянія съ кореннымъ населеніемъ.

Далѣе, необходимо остановиться на вопросѣ о среднемъ и высшемъ образованіи. Несомнѣнно, что право каждаго человѣка на высшее просвѣщеніе вообще и въ частности на достиженіе высшихъ степеней знанія священно и нерушимо, насколько оно зависитъ отъ личныхъ силъ и дарованій. Но нельзя упускать изъ вида, что въ Россіи среднія и высшія учебныя заведенія учреждаются правительствомъ и содержатся на средства общаго государственнаго казначейства, которыя составляются, главнымъ образомъ, изъ податей и налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, лежащихъ на многомилліонномъ русскомъ населеніи. Во вторыхъ, у

насъ среднія и особенно высшія учебныя заведенія исполняютъ роль не только просвѣтительную, но создаютъ для своихъ воспитанниковъ привилегированное положеніе; дипломы университетовъ и высшихъ спеціальныхъ институтовъ надѣляютъ окончившихъ монопольными правами, открываютъ имъ господствующую карьеру. Весьма естественно, что евреи, какъ болѣе предпріимчивые, состоятельные и даже культурные, будутъ стремиться (и дѣйствительно стремятся энергично) занять въ учебныхъ заведеніяхъ возможно болѣе вакансій и стать затѣмъ въ господствующее положеніе надъ милліонами русскаго населенія. Правительство не можетъ допустить подобнаго несоразмѣрнаго и несправедливаго отношенія для русскаго народа, который на своихъ плечахъ создалъ и держитъ русское государство, а потому, какъ только правительственныя среднія и высшія учебныя заведенія переполняются аспирантами, законодательство вправѣ и обязано уравновѣсить силы стремящихся и опредѣлить извѣстную пропорцію для конкуррентовъ изъ русскихъ и евреевъ, соразмѣрно численному отношенію населенія, или по какой-либо другой нормѣ.

Можно указать и на другія профессіи, требующія отъ правительства особыхъ мѣръ наблюденія и предупрежденія. Извѣстна страсть къ спиртнымъ напиткамъ вообще населенія бѣднаго, неграмотнаго, обреченнаго на однообразный и тяжелый трудъ, и въ частности русскаго крестьянства. Въ матеріалахъ, изданныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, указано между прочимъ село Глотово, Орловской губ., которое лѣтъ 10—15 назадъ пропило всю свою надѣльную землю и для возвращенія ея крестьянамъ потребовалось особое Высочайшее повелѣніе. Мѣстному обществу хорошо знакомы результаты пропинаціоннаго права и еврейскаго корчемства въ селахъ Сѣверо и Юго-Западнаго края и Малороссіи. Извѣстно также удивительное мастерство и массовая, какъ бы прирожденная, наклонность евреевъ пользоваться указанною слабостью народа и разорять его благосостояніе. Мнѣ самому пришлось видѣть недавно, возлѣ Прилукъ, одно крестьянское поселеніе, рѣзко отличавшееся отъ сосѣднихъ селъ своимъ разореннымъ видомъ, съ полураскрытыми крышами, влѣзшими въ землю хатами, безъ плетней, клунь, хлѣвовъ. На мой

вопросъ о причинѣ такой обнищалости сельца, мѣстный возница отвѣчалъ образно: «это Лейбинъ хуторъ», т. е. какой-то еврей Лейба долго содержалъ въ немъ корчму и имѣлъ въ арендѣ прилегающую къ хутору землю.

Въ виду такихъ общепризнанныхъ опасныхъ свойствъ винной торговли необходимо устранить евреевъ вообще, а въ частности и русскихъ, не представившихъ серіозныхъ ручательствъ въ своей благонадежности, отъ участія въ торговлѣ водкою.

Независимо отъ указанныхъ отрицательныхъ мѣръ, по существу временныхъ и преходящихъ, необходимо принять и мѣры положительныя, которыя сняли бы существующія искусственныя преграды и открыли пути къ подчиненію евреевъ общегражданскому порядку. Въ этомъ отношеніи наше законодательство стояло до сихъ поръ на совершенно противоположныхъ началахъ. Получивъ евреевъ въ наслѣдство отъ польскаго владычества, въ ихъ замкнутомъ и исключительномъ видѣ, какъ въ религіозномъ, такъ и въ общественномъ строѣ жизни, наше законодательство не только не ослабило этой замкнутости, закоренѣлой отчужденности, но усилило ее, поставивъ

преграды выше и крѣпче. Въ особенности богато этими мѣрами время Императора Николая I, при которомъ были выработаны положенія объ евреяхъ (1835, 1839 и 1841 гг.), утвердившія обособленный характеръ еврейскихъ обществъ, съ особою организаціей, освятившія и регулировавшія коробочные сборы, особый порядокъ отбыванія повинностей, раскладки платежей налоговъ, особыя еврейскія училища, съ печальною памятью заведеній для малолѣтнихъ еврейскихъ кантонистовъ, особые виды и билеты для передвиженія внѣ еврейской осѣдлости; учрежденіе земледѣльческихъ еврейскихъ колоній и мн подобныхъ.

Всѣ эти мѣры не только не принесли пользы, но усилили отчужденность евреевъ, утвердили религіозную и расовую вражду между ними и христіанскимъ населеніемъ, которая принимала по временамъ острый и опасный характеръ кровавой борьбы, погромовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ преобладали христіане, нападали послѣдніе и терпѣли евреи, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за евреями былъ огромный перевѣсъ, нападали евреи. Послѣдній процессъ въ Минскѣ 1898 г. разоблачилъ, сколько накопилось у

евреевъ фанатической племенной вражды; евреи вспоминали библейскій способъ избіенія, они бросали камнями въ солдатъ, лили изъ оконъ кипятокъ на бѣгущихъ, ослабѣвшихъ бросали на землю и безпощадно топтали ногами.

Подобное положеніе не можетъ быть терпимо въ государствѣ, исполняющемъ общія задачи культуры и гражданскаго порядка. Поэтому необходимо упразднить всѣ созданныя законодательствомъ учрежденія и мѣры, служащія поддержкою и охраною исключительности еврейства. Къ числу такихъ, на первую очередь, должно отнести упраздненіе особыхъ еврейскихъ обществъ и отдѣльной организаціи, прекращеніе коробочнаго сбора, во всѣхъ его видахъ, казеннаго раввината и особаго веденія метрическихъ книгъ, подчиненіе всѣхъ общественныхъ еврейскихъ больницъ и другихъ заведеній общему городскому и мѣстечковому управленію, упраздненіе всѣхъ особыхъ еврейскихъ училищъ и предоставленіе еврейскимъ дѣтямъ учиться въ общихъ сельскихъ и городскихъ училищахъ, приписка евреевъ, поселившихся до извѣстнаго срока въ селахъ и пріобрѣвшихъ тамъ

въ собственность жилища (случайно такія пріобрѣтенія имѣли мѣсто до послѣдовавшихъ позже запрещеній) къ сельскому обществу, со всѣми послѣдствіями причисленія и др.

Словомъ, необходимо тщательно и съ знаніемъ дѣла пересмотрѣть и обсудить существующее русское законодательство о евреяхъ и устранить изъ него все, что поддерживаетъ замкнутость, исключительность и вредные наросты талмудическаго еврейства.

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что у насъ, на сравнительно небольшомъ пространствѣ губерній Сѣверо-и Юго-Западной Россіи, Малороссіи и Новороссіи сосредоточено отъ 4 до 5 милліоновъ евреевъ (всеобщая перепись дастъ болѣе точную цифру); что это значительное населеніе хотя живетъ главнымъ образомъ въ городахъ и мѣстечкахъ, но наши уѣздные города, а тѣмъ болѣе мѣстечки, за рѣдкими исключеніями, отличаются сельскимъ характеромъ по занятіямъ и образу жизни; а потому наши евреи находятся въ близкихъ сношеніихъ съ крестьянскимъ населеніемъ, держатъ въ ру-

кахъ сельскіе промыслы, торговлю, денежныя ссуды и имѣютъ большое вліяніе на сдѣлки и обороты народной производительности. Одновременное снятіе всѣхъ существующихъ законодательныхъ ограниченій относительно евреевъ внесло бы серьезное потрясеніе въ сложившіяся хозяйственныя условія и, безъ сомнѣнія, въ ущербъ неграмотному и слабому крестьянству.

Независимо отъ мѣръ законодательства и правительства необходимо и очень важно, чтобы образованный слой еврейства обратилъ вниманіе и употребилъ, съ своей стороны, всѣ культурныя мѣры направить бѣдный, полуголодный и праздный классъ (огромное большинство живущихъ въ городахъ и мѣстечкахъ) своихъ соплеменниковъ къ дѣйствительному труду, ручной работѣ, ремесламъ, къ болѣе легкимъ отраслямъ земледѣлія,—садоводству и огородничеству.

Хотя въ настоящее время многіе бѣдные евреи въ Юго—и Сѣверо-Западномъ краѣ и въ Малороссіи занимаются ремеслами, но что это за ремесло и что за работа? Въ сущности, евреи считаютъ унизительною ручную работу, берутся за ремесло толь-

ко подъ гнетомъ нужды и голода, исполняютъ заказы крайне слабо, недобросовѣстно и мечтаютъ лишь о томъ, какъ-бы сбить 10—100 руб. и взяться за аферы, гешефты, хотя-бы за продажу ваксы и спичекъ. Это пренебреженіе ручною работою есть печальное забвеніе моисеевыхъ законовъ и плодъ талмудическаго высокомѣрія, которое внушаетъ евреямъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, о предназначеніи ихъ къ высшимъ, господствующимъ призваніямъ. Мнѣ случалось встрѣчать почтенныхъ, добросовѣстныхъ евреевъ-ремесленниковъ, которые сами признавали унизительность своего труда и считали всякаго негоднаго и жалкаго торгаша выше себя.

Въ особенности важно обратить вниманіе на положеніе женскаго пола въ еврейскихъ семьяхъ, который питаетъ какое-то врожденное отвращеніе къ труду и ручной работѣ и оказываетъ въ этомъ случаѣ самое пагубное вліяніе на своихъ дѣтей. Извѣстенъ каждому классическій образъ еврейки, которая цѣлые дни, сидя и ходя, держитъ въ рукахъ безнужное вязанье чулка; несмотря на крайнюю свою бѣдность, она сама не работаетъ, не обшиваетъ сво-

ихъ дѣтей, не принесетъ въ домъ воды и всякій черный трудъ сваливаетъ на несчастную «наймычку» христіанку, какъ на лицо низшей расы. Дочери такихъ матерей живутъ еще болѣе праздно: не пріучаясь ни къ какому серьезному труду, онѣ проникнуты одною мыслію—какъ бы найти жениха и умножить потомство Израиля. Сравнивъ съ этимъ образъ крестьянской жены и дѣвушки, которыя, не разгибая спины, исполняютъ всѣ полевыя и огородныя работы и ведутъ сами все домашнее хозяйство,—становится страшно за судьбу милліоннаго еврейскаго населенія, половина членовъ котораго, нуждаясь въ ежедневномъ хлѣбѣ, уклоняется отъ всякой работы, даже для себя.

Неразрывно съ предложенными положительными мѣрами относительно евреевъ необходимо озаботиться о просвѣтительныхъ средствахъ для русскаго крестьянскаго населенія. Настоятельно нужно доставить ему общую грамотность, учредить возможно болѣе училищъ земледѣльческихъ, техническихъ, ремесленныхъ, торговыхъ, которыя просвѣтили-бы его умъ, увеличили производительность и дали силы бороться съ конкуренціей пришельцевъ.

Отрицая политическую своевременность и умѣстность немедленнаго и полнаго снятія всѣхъ ограничительныхъ мѣръ русскаго законодательства относительно евреевъ, позволимъ себѣ закончить наши письма небольшою иллюстраціей изъ судебъ еврейства въ нынѣшней Франціи.

Извѣстно, что полная эмансипація евреевъ въ Западной Европѣ была создана впервые во Франціи, актомъ революціоннаго учредительнаго собранія 27 сентября 1791 года. Съ тѣхъ поръ эмансипація евреевъ была вводима постепенно, съ разными ограниченіями въ большей части другихъ странъ Западной Европы: въ Англіи—1849—1858; Австро-Венгріи — 1860—1867; Германіи—1850—1871; Италіи—1860—1870; Швейцаріи—1869—1874. Хотя революціонный французскій актъ сразу уничтожилъ всѣ прежнія преграды и распространилъ на евреевъ общія права человѣка и гражданина (впрочемъ, при энергической оппозиціи эльзаскихъ депутатовъ, которые имѣли въ своей области значительное число евреевъ и знали ихъ ближе), тѣмъ не менѣе уравненіе правъ не встрѣтило на первый разъ большихъ затрудненій и не вызвало острой

массовой борьбы. Въ то время евреевъ во всей Франціи насчитывалось лишь нѣсколько десятковъ тысячъ, да и теперь ихъ считается тамъ до 80,000 (въ Англіи считается до 100,000, въ Голландіи почти столько-же, въ Италіи, главнымъ образомъ средней и сѣверной, до 50,000, Швейцаріи до 10,000, въ Германской имперіи до 600,000, (главнымъ образомъ въ Познани и Силезіи). Этинемногочисленные французскіе евреи жили преимущественно въ торговыхъ городахъ, особенно въ Парижѣ, въ своихъ отдѣльныхъ кварталахъ, занимались денежными операціями и мелкою торговлею, не имѣли непосредственнаго соприкосновенія съ сельскимъ населеніемъ и не могли оказывать на него вліянія; къ тому-же евреи имѣли предъ собою развитой, сильный и предпріимчивый классъ буржуа.

Несмотря однако на немногочисленность евреевъ во Франціи, революціонная реформа, разрушившая сразу всѣ преграды, принесла не одни сладкіе плоды.

Получивъ полное уравненіе правъ и свободный доступъ во всѣ сферы жизни, евреи сохранили свою не только религіозную и расовую связь, но и полную соли-

дарность цѣлей, интересовъ съ еврействомъ всѣхъ странъ. Оттого небольшое число французскихъ евреевъ въ короткое время достигло значительнаго могущества во Франціи. Въ ихъ рукахъ большинство банковъ, крупныхъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій, желѣзнодорожныхъ обществъ; пресса, въ значительной степени, пользуется ихъ капиталами и состоитъ въ зависимости отъ нихъ. Образовалась haute finance, олигархія еврейскихъ банкировъ и высшихъ раввиновъ, которая оказываетъ вліяніе на экономическую и административную жизнь Франціи; поведеніе-же полноправныхъ евреевъ въ Алжирѣ относительно туземныхъ арабовъ вызываетъ неудовольствіе какъ туземцевъ, такъ и всего французскаго общества.

Вслѣдствіе такихъ явленій, во Франціи въ послѣднія 20 лѣтъ, замѣчается развитіе антисемитизма, и если евреи не сблизятся съ французскимъ народомъ болѣе искренно и полно, не перестанутъ поддерживать и защищать еврейство во всѣхъ, даже явно неодобрительныхъ, случаяхъ и условіяхъ жизни, то рознь между евреями и французами можетъ получить болѣе серьезный характеръ.

Самъ А. Леруа Болье, симпатизирующій евреямъ, мечтающій о полномъ сліяніи еврейства съ христіанствомъ, говоритъ однако, «что не надо спѣшить съ натурализаціей еврейскихъ пришельцевъ изъ-за Вогезъ или Рейна, предоставляя имъ всѣ права, отличія, облекая ихъ довѣріемъ и должностями. За послѣднее время мы далеко не можемъ гордиться нашими новыми соотечественниками и жалобы антисемитовъ не всегда лишены основанія. Въ особенности погрѣшала анти-клерикальная политика радикальныхъ партій третьей республики, которая, заподозрѣвъ благонадежность французовъ-католиковъ, предпочитала, при назначеніи на государственныя должности, анти-религіантовъ, лютеранъ, евреевъ и давала такимъ образомъ за общимъ отечественнымъ столомъ лучшій кусокъ своимъ пріемнымъ сыновьямъ, которые еще не могли успѣть сродниться съ новой родиной и доказать свой патріотизмъ».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА РСФСР
№ 1963

2р

Цѣна 30 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина.

Кіевъ.
Крещатикъ, № 33.

С.-Петербургъ.
Екатерининская, № 4.